

Пиявка-Мимик был уродливым кошмаром. В игре колония маскировалась под безобидного старика, обмякшего в кресле, прежде чем внезапно обрушиться в извивающуюся, человекоподобную массу голодных паразитов. Они роем набрасывались на игрока, стремительно высасывая здоровье, если только не долбить по кнопкам контроллера как сумасшедший, чтобы их стряхнуть.

Технически, во время этого столкновения ее должен был спасти Билли Козн, но полагаться на то, что эмоционально запорный морпех появится с идеальным кинематографическим таймингом, казалось ужасной стратегией выживания.

Кроме того, если кто-то и собирался прижать ее и заставить извиваться в этом поезде, это совершенно точно не будет куча переростков-скользких червей.

Решение напрашивалось само собой: мне нужно было выступить в роли ее непризнанной, крайне агрессивной клининговой службы. Я зачищу вагон перед ней, оставив путь достаточно безопасным, чтобы она могла пройти без риска, что ей вырвут ее фарфоровое горлышко.

Впрочем, я не собирался сходить лицом к лицу с гигантским скорпионом Стингером на крыше. Этот массивный, бронированный ублюдок всё равно был заскриптованным событием с жестким таймером, и его сокрушительные клешни могли легко разрубить мое нынешнее собачье тело пополам. Пусть Билли отрабатывает свой хлеб и тратит драгоценные патроны для дробовика на этого омара-переростка. Во время этого боя Ребекка будет находиться в совершенно другой части поезда, в безопасности, вне зоны влияния скорпиона.

Соскользнув с крыши на слепой стороне вагона, я мягко приземлился на металлическую сцепку между вагонами. Я протиснулся через приоткрытую служебную дверь и немедленно активировал активный камуфляж, наблюдая, как мои мутировавшие конечности мерцают и растворяются в тусклом, тенистом фоне интерьера.

В роскошных передних вагонах было до оскорбительного тихо; пахло дорогой бархатной обивкой, застоявшимся сигарным дымом и тяжелым оттенком вирусного разложения. Пассажиры внутри по-прежнему сидели в своих кожаных креслах, идеально сохранившиеся в различных стадиях трупного окоченения, ожидая тепловкровного стимула для запуска своих охотничьих рефлексов.

Первой целью стал тучный мужчина в форме проводника, мирно обмякший в кресле у прохода.

Сохраняя камуфляж активным, я подобрался к нему медленным, размеренным шагом. Оказавшись в радиусе досягаемости, я деактивировал маскировочное поле для экономии энергии, сомкнул усиленные собачьи челюсти вокруг его горла и совершил один единственный, жестокий рывок.

Приятный хруст чистого разрыва его спинного мозга эхом разнесся по тихому купе.

Я прижал лапу к его растворяющейся шее, позволяя крошечным красным щупальцам вырваться из моей кожи и осушить это болото.

Проводник превратился в густой, светящийся малиновый сироп, который всосался через биологические соломинки и закачался пряником в мою систему за считанные секунды.

[Биомасса поглощена. +10 ОЭ.]

Это был самый чистый, самый приятный стелс-фарм, который я когда-либо исполнял. Я систематически продвигался по передним вагонам, забирая каждого зомби со спины внезапным, бесшумным укусом в шею. Они так и не замечали моего приближения, а их сгнившим мозгам определенно не хватало нейронных мощностей, чтобы осознать, почему их коллега внезапно превратился в невидимого хищника-мясоеда.

К тому моменту, когда я добрался до вагона-ресторана, я превратил двенадцать корпоративных шаркунов в высокопитательные протеиновые коктейли.

[Биомасса поглощена. Клеточная целостность увеличена до 71%.]

[Очки Эволюции: 220]

Мое тело ощущалось значительно более крепким. Обнаженные кости грудной клетки заросли плотными, темными мышечными волокнами, отчего мои дерганные движения стали более плавными и куда более контролируемыми.

Вагон-ресторан был жемчужиной поезда: хрустальные люстры, белые скатерти и изысканные серебряные столовые приборы. Это стало бы прекрасным местом для романтического свидания, если бы не темные пятна крови на ковре и отчетливый сладковато-гнилостный аромат биологического заражения.

И там, сидя в кожаном кресле с высокой спинкой в дальнем конце вагона, находился Мимик.

Он выглядел как безобидный пожилой джентльмен; его аккуратно причесанные седые волосы покоились на воротнике костюма. Руки были мирно сложены на коленях, и всем своим видом он показывал, что просто задремал после плотной трапезы.

Но я знал омерзительную правду. Этот костюм из кожи был пустой оболочкой, до краев набитой тысячами мутировавших пиявок, цепляющихся друг за друга в гротескной имитации человеческой плоти.

Я прокрался в центр вагона, сохраняя безопасную дистанцию в пятнадцать футов, и издал быструю серию высокочастотных щелчков.

Щелк, щелк, щелк-щелк-щелк.

Вернувшиеся звуковые волны нарисовали глубоко тревожную монохромную карту его внутренностей. У старика не было ни скелета, ни легких, ни органов. Он был просто извивающейся, вибрирующей массой плотно упакованных мышечных трубок, сокращающихся в медленном, ритмичном цикле.

Подцепив с ближайшего стола тяжелую серебряную вилку, я зажал металл в зубах и резко мотнул головой, запустив столовый прибор через всю комнату.

Вилка с резким звоном ударилась о его колено.

Реакция была немедленной и гротескной. Его голова плавно повернулась за пределы нормального человеческого диапазона, развернувшись на все сто восемьдесят градусов, пока лицо не уставилось прямо назад. Кожа на его шее широко разошлась, и сотни блестящих, темно-коричневых пиявок начали высыпаться из костюма, как из прорванной трубы.

Они копошились по ковру, нагромождаясь друг на друга, пока не превратились в возвышающуюся гуманоидную фигуру, покрытую толстым слоем полупрозрачной слизи. Существо издало влажное, пронзительное шипение, открыв пасть, представлявшую собой не более чем безгубую щель, усеянную круглыми зубами.

Я не отступил. Опустив плечи, я ринулся прямо на извивающуюся мерзость.

Мое усиленное собачье тело на полном ходу врезалось в мимику, челюсти дико лязгали.

Грубые, хищные инстинкты формы Цербера полностью захватили мой мозг, направляя зубы, чтобы они впились прямо в склизкую среднюю часть существа. Я ожидал, что контакт будет совершенно тошнотворным, но к моему величайшему удивлению, текстура оказалась до странности похожей на полный рот свежих, запретных суши — холодных, мягких и удивительно приятных для жевания.

Я вырвал огромный кусок из его торса; мои челюсти агрессивно перемалывали извивающихся паразитов в кашу.

В тот самый миг, когда они умирали у меня во рту, крошечные красные щупальца на щеках и языке оживали.

Раздавленные пиявки мгновенно растворялись в густую, светящуюся малиновую жижу. Существо издало пронзительный, вибрирующий вопль, когда вся его средняя часть попросту исчезла в моем биологическом вакууме.

«Твою мать, да это же абсолютный чит-код».

Я приготовился к отчаянной, безумной борьбе, чтобы не дать им вгрызться в мою плоть, но мой навык поглощения обращался с этими тварями, как мощный блендер. Сама плотность моей усиленной шкуры Цербера делала невозможным проникновение их крошечных круглых зубов, в то время как каждый убитый мной паразит немедленно ликвидировался и всасывался прямо в мой клеточный резерв.

Я издал влажный, булькающий смех, отдавшись полномасштабному дикому неистовству.

Я набрасывался на самые крупные скопления, катаясь своим тяжелым телом по ковру, чтобы раздавить десятки из них своим весом, и позволяя щупальцам жадно выхлебывать их генетический суп. Я кусал, рвал и жевал их пачками; первобытные собачьи настройки в моей голове превратили то, что должно было стать психологическим фильмом ужасов, в крайне эффективный шведский стол.

Это было великолепное, радостное открытие. Легендарная, устрашающая проблема пиявок была полностью сведена на нет моей биологией поглощения. Я не знал, выстоит ли этот абсолютный чит-код против самой Королевы Пиявок, но для этих базовых паразитов я, по сути, стал ходячим вымиранием.

Оставшиеся пиявки, осознав, что их коллективная колония систематически переваривается маниакальной зомби-собакой, нарушили строй. Они полностью отказались от гуманоидной формы, рассыпавшись в панической волне по половицам и вентиляционным решеткам.

Я гнался за каждым извивающимся скоплением, до которого мог дотянуться, давя их лапами и пылесоса со стен с механической эффективностью.

В течение двух минут вагон-ресторан снова погрузился в тишину.

Паре десятков счастливиц удалось протиснуться в узкие щели между вагонами, но основная колония была полностью уничтожена.

[Общая биомасса, поглощенная из колонии пиявок: Клеточная целостность увеличена до 79%.]

[Всего заработано Очков Эволюции: +87 ОЭ.]

[Уникальных генетических особенностей не обнаружено. Организмы пиявок классифицированы как стандартная паразитическая фауна. Недостаточная индивидуальная сложность для регистрации особенности.]

Это определенно был тот случай, когда количество важнее качества. Каждая пиявка, по сути, представляла собой крошечную мышечную трубку без мозгов, не обладающую индивидуальной сложностью, необходимой для разблокировки новых крутых форм или особенностей. Но восемьдесят семь очков за один крайне сытный прием пищи были колоссальной победой.

В сочетании с моими предыдущими сбережениями, моя военная казна составляла очень солидные триста семь Очков Эволюции.

Я издал влажную, довольную отрыжку, пробуя на вкус задержавшийся на языке след этого холодного, слизистого привкуса паразитов. Он слегка отдавал железом и сырой землей, с удивительной ноткой умами. Истинное наслаждение для гурмана.

Я издал последний, успокаивающий щелчок по чистому вагону-ресторану, чтобы подтвердить отсутствие угроз, а затем прокрался через служебный выход, чтобы вернуть себе место на крыше.

Путь Ребекки был чист, а мой живот полон высокопитательных мутировавших суши. Дела определенно шли в гору.

<http://erolate.org/book/2511/257958>